Побожий Александр Алексеевич

Путь к Хунгари

Отрывок из произведения «Комсомольск – Совгавань»

Уже четвёртый день мы идём по тайге. Саянский и Тудурский перевалы остались позади. Тяжёлый переход утомил не только людей, но даже выносливых «монголок». Караван растянулся по узкой тропе, вьюки часто задевали за деревья и сваливались набок. Приходилось останавливаться и вновь прилаживать их. На тропе встречалось много поваленных деревьев, надо было расчищать их, чтоб лошади могли пройти. Но самое тяжёлое испытание для людей и животных – мошка, спастись от которой было невозможно. Она набивалась под накомарники, забиралась в обувь и одежду. Укусы её вызывали сильный зуд, лицо и тело покрывались множеством мелких ранок, а если не выдержишь и начнёшь расчесывать – появиться опухоль. Несчастные лошади на привалах головами забирались в дымокуры и хвостами отбивались от гнуса. Губы и веки у них опухли.

Я шёл впереди со старшим геологом партии Фёдором Петровичем Завьяловым и Сашей Кондрашовым. За нами двигались рабочие во главе с Лукьянчиковым. Все мы были вооружены топорами и пилами, чтобы пробираться через лежавшие тут и там погибшие деревья. Быстрее других погибали ель, пихта и берёза. Они не выдерживали борьбы за свет и чахли под высокими лиственницами и ветвистыми кедрами. Солнце почти не проникало сквозь густые кроны, в лесу было сыро, воздух наполнен запахом гниющего дерева и листьев. Кроме редких папоротников, под деревьями не росло ничего, и для привалов приходилось искать места, где был бы корм для лошадей.

На пятый день пути к вечеру тропа за кедровым лесом вывела нас на чистую поляну, к небольшому ручью. Мы решили заночевать здесь. Вскоре подошёл караван. Разгорались костры, задымились дымокуры. Девушки, гремя вёдрами, пошли к ручью за водой.

Палаток не ставили, хотя две ночи подряд шёл небольшой дождь, - они были хорошо уложены и подготовлены для вьюков и не стоило труда разбирать их и вновь складывать. Спали в шалашах или просто у костров, выделяя на ночь дежурных, чтобы охранять лошадей и поддерживать огонь в дымокурах. После тяжёлого перехода лагерь затих быстро. Мошка к ночи немного унималась, и усталые люди засыпали моментально.

Только мы с Фёдором Петровичем ещё долго рассматривали у костра карту; завтра должна показаться Хунгари, где начнётся работа. К нашему костру подошла Маша и попросила у Фёдора Петровича бинт: она стёрла ногу. На изыскания Маша поехала впервые. В первый день она не хотела расстаться с городским нарядом: из Комсомольска вышла в ситцевом платье и туфлях. На другой день надела брюки и кофточку с длинными рукавами. На третий день мы уговорили её надеть и кирзовые сапоги. Со слезами на глазах Маша сняла и выбросила изорванные туфли.

Саша Кондрашов хотел помочь девушке забинтовать ногу, но, как всегда, не смог обойтись без шуток:

- Теперь тебе, Маша, недолго осталось привыкать. Начинай считать с этого первого волдыря. Как сотый прорвётся, так и знай, что ты таёжница и медведь тебе родной брат.

Маша уничтожающе посмотрела на него, вырвала бинт и пошла к своему костру, а Саша, не то продолжая шутить, не то серьёзно, сказал:

- Лошади у нас всё-таки сытые, а мы не очень. Пора переходить на подножный корм. Я вчера видел кабаргу. Была бы винтовка… Вам охотиться недосуг, так позволили бы мне?

И в самом деле! Я дал Саше тяжёлый карабин, который порядком натёр мне плечи.

Наутро все поднялись с рассветом: нужно торопиться на участок, да и мошка поднималась рано, а лучшее спасение от неё – в быстрой ходьбе. Асядулин с Митей и рабочими стали

завьючивать лошадей. Я, как обычно, обходил лагерь. Женщинам велел торопиться со сборами, а сам пошёл к крутому обрыву, где дотлевал костёр.

Поздняков и Ноздрин, укрывшись с головой, ещё спали у потухшего костра. Я рассердился и сдёрнул с них одеяло. То, что я увидел, потрясло меня: между спящими, свернувшись, лежала змея. Она, видно, пригрелась там и недовольно зашипела. Я остолбенел. Если ребята пошевелятся, змея может их ужалить. Вот она поползла к голове Ноздрина: я опомнился, тихонько поднял с земли прут и стал дразнить змею, отвлекая её на себя. Она подняла голову выше, зашипела и, казалось, готовилась кинуться на меня. В этот момент я изловчился и сильно ударил её, не задев ребят. Змея свилась в клубок, я прыгнул, прижал её ногой и быстро раскидал ребят в разные стороны. Они вскочили, не понимая, в чём дело. Потом увидели змею и отбежали, а я всё топтал эту тварь, чуть не наделавшую бед. Когда всё было кончено, руки и ноги у меня дрожали.

Наскоро попив чаю, мы двинулись к Хунгари. Тропа круто поднималась на водораздел. Лошади, напрягая силы, шли рывками, но каждые метров десять останавливались, часто и тяжело дыша. Отдохнув, снова делали рывок и опять останавливались, жадно хватая воздух. С полчаса длился этот подъём, потом склон стал более пологим, и тропа вывела нас на высокий плоский водораздел. Впереди – на восток и справа – к югу раскинулась широкая долина, окаймлённая лесом. Западный склон изрезан глубокими логами, между ними виднелись участки горелого леса. Перед нами лежала долина Хунгари, по которой когда-то пришёл Арсеньев, исследуя хребет Сихотэ-Алинь и его отроги. По карте до реки оставалось около десятка километров.

Тропа теперь спускалась вдоль ручья. Идти вниз было легко. На крутых спусках лошади сползали, приседая на задние ноги, а передними упираясь в землю.

Через три часа наш караван вышел на пойму. Здесь среди хвойного леса стали встречаться тополя толщиной в два обхвата. Кусты черёмухи переплетались с кустами шиповника и дикого винограда. Зелёный папоротник огромными листками прикрывал сырую почву. Шум воды на перекатах свидетельствовал о близости реки. Мы прибавили шагу, вскоре вышли на галечниковую косу и у самой воды – подальше от мошки – сбросили вьюки с измученных лошадей.

Женщины уже пили прозрачную воду и смывали пот с лица. Река обмелела, она была теперь шириной не больше двухсот метров. Течение небыстрое. Ниже в русле виднелись каменные глыбы, и оттуда доносился шум воды.

Погода стояла хорошая, подъём воды не ожидался, и мы решили разбить свой лагерь прями на косе, куда почти не залетала мошка. Чтобы не было лишней суеты, опять разделились на группы. Фёдору Петровичу и Драпаку – опытным изыскателям, не раз бывавшим в тайге, - поручили установить палатки, Лукину вместе с пятью рабочими – заготовить дрова, Саше и Тарасенко – до захода солнца осмотреть прилегающую местность и найти пастбище для лошадей, Асядулину – разобрать продовольствие и с помощью женщин приготовить обед.

В прибрежном лесу застучали топоры, зазвенели пилы. На косу выносили жерди, чурки, хвою и сухую траву. Первую палатку поставили для женщин. Палатки устанавливали с растяжками, чтобы они могли устоять даже при сильном ветре. Спать на гальке неудобно и холодно, поэтому сделали что-то вроде коек из тонких жердей, застелив их хвоей. Для каждой койки забивали четыре кола с развилками кверху. На развилки клали толстые жерди, а уж на них – тонкие. Палатки вместительные, в каждой помещалось до восьми самодельных «кроватей». К вечеру поставили четыре палатки, а самую большую, где должны были жить Фёдор Петрович, Драпак и я и составляться все чертежи, решили установить на другой день.

Саше удалось найти неподалёку хорошее пастбище, туда отправили на ночь лошадей под присмотром Ноздрина и ещё одного рабочего, - это был успех. Всё же Саша пришёл огорчённый: кроме соек и дятлов, ничего не встретилось.

- Ну и тайга! – волновался он. – Хоть бы рябчики быстрее росли, а то и они меньше воробья. Ни тебе медведей, ни коз, ни сохатых…

- Уж такое, Саша, сейчас время – июнь. Твои трофеи ещё подрастают и прячутся не только от человека, а и друг друга, - успокаивал его Фёдор Петрович. – Подожди до августа – сентября, поохотишься на славу.

Установив палатки, пошли к костру, где готовился обед. Продовольствия у нас было мало: мы получили его по своим карточкам на два месяца, а когда пришли к Хунгари, оказалось, что мясные консервы, выданные на весь срок по две банки на человека, уже съедены. Взамен жиров нам выдали яичный порошок и по банке сгущённого молока, - от них тоже ничего не осталось. У нас были ещё мука, пшено, по килограмму риса и по две банки рыбных консервов. Досадно, конечно, что мы в первые дни так распустили пояса, но ведь переход был тяжёлый. Я приказал Асядулину отныне выдавать продукты строго по такой норме, чтобы хватило на весь срок, еду готовить дважды в день, утром и вечером, а днём – только чай.

Кашу – она была без мяса, жидкая и разваристая – ели молча. Заедали привезённым из Комсомольска сухим чёрным хлебом, стараясь не уронить ни крошки. Хлеба полагалось по шестьсот граммов в день, но при нашем скудном обеде его хватало только на два раза.

После обеда я спросил:

- Ну как, молодёжь, маловато варева?

Саша, заглядывая в пустой котёл, ответил:

- Ничего, даст бог день, - даст бог пищу.

Мне было жаль ребят, прошедших с нами в трудный путь. При таком питании на нелёгкой работе они могут ослабеть, чего доброго, появятся больные, а лечить их здесь некому и нечем. Что ж, сейчас война, всем нелегко приходится. А нам поставили важную задачу.

Как тихо в тайге! Только на перекате шумит вода да иногда ночная птица нарушит тишину тёплой ночи. Товарищи уже спали, а я ещё долго лежал, глядя в небо, думая, что впереди напряжённая работа и немало трудностей. За два года должна быть построена железная дорога длиной почти в пятьсот километров по трудной трассе, через хребет Сихотэ-Алинь…